

Глава 26. Мой муж — гений

Тётушка из семьи Ван так яростно придиралась к Лю Тяньцзяо вовсе не случайно — всему виной был её родной брат. С виду статный и красноречивый, он мог бы сойти за завидного жениха, но те, кто знал его подноготную, понимали: мужчина прогнил до самых костей. Пьянство, азартные игры и притоны были его стихией, а стоило чему-то пойти не по нраву, он не гнушался поднимать руку даже на престарелых родителей.

Всякий раз, когда женщина урывала из своего дома медяк-другой, деньги уходили на оплату бесконечных долгов этого непутёвого родственника.

В те времена, когда Лю Лаода был ещё жив, а его хозяйство процветало, Тётушка из семьи Ван вознамерилась женить брата на Лю Тяньцзяо. Расчёт был прост: мало того что приданое позволило бы кормить бездельника, так ещё и юноша, с его крепким телосложением, не чета хрупким девицам — такого не забьёшь до смерти в первом же приступе ярости. Женщина надеялась, что, получив живую мишень для выплеска злобы, брат оставит родителей в покое.

Родная деревня свахи находилась далеко, и в Циншуй никто не ведал о художествах её родича. Глядя на его ладную фигуру, сельчане даже поговаривали, будто Лю Тяньцзяо не по чину такой красавец. Если бы не Лю Лаода, который из любви к сыну не пожалел сил и времени, чтобы навести справки, юноша угодил бы прямиком в пекло.

Упустив богатую партию и окончательно испортив репутацию в округе, брат так и не смог найти себе жену. Всю свою досаду он вымещал на сестре и родителях, становясь с каждым днём всё несноснее: теперь при каждом удобном случае он хватался за нож.

Тётушка из семьи Ван не смела винить брата, а сердце её обливалось кровью за родителей. Всю свою обиду она перенесла на Лю Тяньцзяо: мол, это он, неблагодарный, посмел выбирать, из-за чего в её родном доме теперь ни дня нет покоя. С тех пор она и не упускала случая его уколоть.

Услышав упоминание о брате, женщина едва не задохнулась от ярости.

— Чансю, ты только посмотри на него! — взвизгнула она, обращаясь к Ван Чансю. — Этот гэ'эр позволяет себе так дерзить старшим! Где это видано? Где правила, где приличия? Вернёшься — непременно доложи старосте, пусть приструнит этого наглеца!

Ван Чансю прекрасно помнила, как Лю Тяньцзяо бушевал в поминальном зале. Если он не побоялся кричать на самого старосту, то что ему какая-то деревенская сплетница? Невестка была не так глупа, чтобы лезть в это пламя.

— Будет тебе, — отмахнулась Ван Чансю. — Чего ты с ним, как с равным, споришь? В городе дел невпроворот, лучше отдохни пока.

Видя, что собеседница закрыла глаза, всем видом показывая, что разговор окончен, Тётушка из семьи Ван замолчала. Она лишь метнула в сторону Лю Тяньцзяо исполненный ненависти взгляд и демонстративно отвернулась, будто увидела что-то нечистое.

Юноша был только рад тишине. Он прикрыл глаза и вскоре, убаюканный мерным покачиванием повозки, погрузился в сон. Вэй Вэнькан же сидел неподвижно, отрешённо глядя на убегающую из-под копыт дорогу.

Спустя час воли наконец дотащили повозку до города. Вэй Вэнькан осторожно коснулся плеча супруга:

— Просыпайся, Тяньцзяо. Мы приехали.

Лю Тяньцзяо потёр глаза и сладко зевнул, прогоняя остатки сна.

— Пойдём. Чем скорее управимся, тем быстрее вернёмся домой.

Заметив, что двое молодых людей направились вовсе не к Сиши, куда обычно ходили все деревенские, Тётушка из семьи Ван нахмурилась.

— И куда это они в такую рань? Если не за покупками, то зачем ещё в город тащиться?

— Тебе-то что за забота? — отозвался кто-то из попутчиков. — Идём скорее в Сиши, а то всё свежее мясо разберут.

Но женщина не унималась.

— А вы не заметили? Они сегодня как на праздник вырядились. Особенно этот Вэй Вэнькан — на одежде ни единой складочки.

— Может, к родственникам заглянуть решили, — предположили в толпе.

Тётушка из семьи Ван, которая в своё время изучила семью Лю вдоль и поперёк, фыркнула:

— Да откуда у них в городе богатые родичи?

Ван Чансю, утомлённая этой мелочностью, сухо бросила:

— Если тебе так любопытно — иди и посмотри сама. А мы делом займёмся.

К её удивлению, Тётушка из семьи Ван действительно соскочила с повозки и припустила следом за супругами.

— Идите-идите, не ждите меня!

Ван Чансю только в сердцах топнула ногой.

— Совсем у бабы ум за разум зашёл!

Лю Тяньцзяо и Вэй Вэнькан, не подозревая о слежке, расспросили прохожих и вскоре стояли у ворот дома Учителя Вана. По пути они купили несколько коробок с изысканными сладостями — для приличия.

В последние годы, когда тяга к знаниям в стране возросла, достаток учителей заметно прибавился. Учитель Ван, будучи одним из лучших, владел просторной усадьбой в три двора. Передняя часть дома служила школой, а в глубине располагались жилые покои.

Едва они приблизились к дверям, как до них донеслось мерное чтение:

— «Благородный муж весь день трудится неустанно, к вечеру же преиспоняется осторожности, словно пред лицом опасности. И тогда не будет на нём вины»...

Лю Тяньцзяо шепотом спросил мужа:

— Это о чём вообще?

— Это значит, — тихо отозвался Вэй Вэнькан, — что достойный человек даже в малом деле должен сохранять бдительность и усердие, чтобы избежать ошибок и не навлечь на себя беду.

— А ты силён! — Лю Тяньцзяо одобрительно хмыкнул. — Раз ты и так всё знаешь, может, удастся сократить учёбу на два года?

Не успел Вэй Вэнькан ответить, как из-за ворот вышел мужчина с седыми волосами и бородой. Лицо его было суровым и строгим.

— Слова мудрецов надлежит изучать всю жизнь, — ледяным тоном произнёс он. — Нельзя возноситься в гордыне лишь потому, что едва коснулся смысла, как шелухи.

На незнакомце был длинный синий халат, волосы были аккуратно уложены под шапочку — типичный книжник. Лю Тяньцзяо, не стусевавшись, спросил:

— Так он что, неправильно истолковал?

— Правильно, да не совсем, — ответил мужчина. — Он ухватил лишь поверхность, не заглянув в глубину.

Вэй Вэнькан почтительно сложил руки в приветствии:

— Прошу почтенного наставника просветить меня.

Мужчина, однако, не смягчился.

— Коль скоро ты знаешь, что благородный муж должен быть неустанным, как же ты позволяешь спутнику говорить о «сокращении учёбы»?

Лю Тяньцзяо это задело.

— Уважаемый, вы как-то странно рассуждаете. Если человек уже что-то выучил, зачем ему долдонить одно и то же? Когда же тогда этому край наступит?

— Море знаний бескрайне. Тот, кто избрал путь учёного, учится до последнего вздоха.

— А жить-то когда? — Лю Тяньцзяо всплеснул руками. — А есть что? Если только и делать, что в книги утыкаться, кто семью кормить будет?

Старик, выросший в достатке и привыкший к высокопарным беседам, пришёл в ужас от столь грубых речей.

— У тебя, гэ'эр, волос длинный, да ум короткий! Учение — это спасение государства и народа, это свет разума! Как можно равнять его с заботами торговцев и носильщиков?

— Да хоть как назовите, — буркнул Лю Тяньцзяо. — Разве учёные одной тушью сыты будут?

Заметив, как потемнело лицо незнакомца, Вэй Вэнькан поспешно потянул супруга за рукав. В его взгляде читалась немая мольба.

«Прошу тебя, Лю Тяньцзяо, не надо...»

— Наставник, не гневайтесь, — вслух произнёс Вэй Вэнькан. — Мой супруг просто беспокоится о нашем хозяйстве. Он боится, что из-за книг я заброшу поле.

Мужчина холодно смерил юношу взглядом.

— Раз так, зачем ты здесь? Если в сердце твоём нет места для истинного учения, не трать моё время.

— С чего это «нет места»? — возмутился Лю Тяньцзяо. — Я просто хочу, чтобы он не тратил время впустую. Мы ждём, что он сдаст на сюэя и освободит нашу семью от податей и трудовой повинности!

— Хм! — Старик презрительно фыркнул. — Коль в доме нет порядка и согласия, как можно помышлять о науках? Ты думаешь, звание сюэя — это капуста на базаре, которую каждый встречный может купить?

— Другие, может, и не могут, а мой муж — справится! — Лю Тяньцзяо решительно вытолкнул Вэй Вэнькана вперёд. — Не верите? Так проверьте его! Говорю вам, мой муж — гений, каких поискать.

Видя такую дерзость, старик решил проучить наглеца и задал первый вопрос из канона «Да Сюэ»:

— «Знание предела даёт устойчивость»... продолжай.

Вэй Вэнькан, не задумываясь, подхватил:

— «Обретя устойчивость, можно достичь покоя. В покое обретается безмятежность. В безмятежности рождается раздумье. Раздумье приносит успех. У вещей есть корень и ветви, у дел есть конец и начало. Знать, что прежде, а что после — значит быть близким к Истине».

Мужчина прищурился.

— «Благородный муж почитает добродетельных и любит близких»...

— «Ничтожные люди радуются своим радостям и извлекают выгоду из своей выгоды, и так до конца дней своих», — ровным голосом закончил Вэй Вэнькан.

— «Благородный муж действует сообразно своему положению и не желает ничего сверх того»...

— «Находясь в богатстве и знатности, действует как богатый и знатный. Находясь в бедности и нищете, действует как бедный и нищий. Среди варваров действует как должно среди варваров. В беде действует как должно в беде. Куда бы ни пришёл благородный муж, он везде обретает себя».

Поражённый точностью ответов, старик сменил подход:

— А смысл тебе ясен?

— Благородный муж принимает свою судьбу и исполняет долг там, где он есть. Будучи знатен, он не презирает малых. Будучи беден, он не теряет достоинства и не заискивает. Где бы он ни оказался — в изгнании или в нужде — он сохраняет чистоту сердца и ясность мысли.

Мужчина ничего не ответил, лишь задал ещё несколько вопросов — и на каждый Вэй Вэнькан ответил без запинки. Лю Тяньцзяо так и сиял от гордости:

— Ну что я говорил? Разве мой муж не гений?

Старик вынужден был признать:

— Книги ты помнишь крепко, и смысл понимаешь. А как насчёт стихов и сочинений?

Вэй Вэнькан честно покачал головой:

— Я выучил лишь «Наставления в рифмах» да «Стихи тысячи поэтов». Сочинять я не умею, а эссе пробовал писать лишь сам, как умел.

Гнев снова вспыхнул в глазах наставника:

— Тебе уже не двенадцать лет! Как можно до сих пор не владеть кистью и слогом? Это непростительная лень! Неужто не знаешь, что на экзаменах без сочинения делать нечего?

Вэй Вэнькан горько улыбнулся:

— Я пытался писать. Но кто бы проверил мою работу? Без наставника что толку марать бумагу?

— А где же твой учитель?

— Не скрою от вас, господин: семья моя была бедна, я и порога школы не переступал. Всё, что знаю, вложил в меня отец. Десять лет назад он ушёл из жизни, и с тех пор я лишь перечитывал старые книги. Если что-то было непонятно — читал снова и снова, надеясь, что через сотню повторений смысл откроется сам собой.

— Неслыханно! — Старик в сердцах всплеснул руками. — Что за самоволие! Если бы каждый мог учиться сам, зачем тогда мы? Зачем тогда был бы нужен Конфуций?

Лю Тяньцзяо не видел в этом большой беды.

— Так мы за тем и пришли — наставника искать! Говорят, Учитель Ван — самый почитаемый в этих краях. Раз у моего мужа такой талант, Ван за него обеими руками ухватится!

Старика этот гэ'эр раздражал всё сильнее. Не раздумывая, он отрезал:

— Не примет. Он его не примет!

Лю Тяньцзяо возмущённо подбоченился:

— Это ещё почему? Вы-то откуда знаете? Вы же не Учитель Ван! От такого таланта никто в здравом уме не откажется!

<http://bllate.org/book/15343/1373003>